

анонсе. **Перспективы** дальнейшего исследования мы видим в исследовании роли жаргона и сленга в развлекательном дискурсе.

Л и т е р а т у р а :

1. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
2. Рикер П. Живая метафора. Теория метафоры / П. Рикер. – М. : Прогресс, 1990. – С. 124–145.
3. Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю. А. Сорокин. – М. : Наука, 1985. – 168 с.
4. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 212 с.
5. Теория метафоры / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; вступит. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – 402 с.
6. Lakoff G. Women, fire and dangerous things, what the categories reveal about mind. – University of Chicago, 1987. – 578 p.

Панченко С. А. Стилістичний ефект у розважальному дискурсі як спосіб впливу на користувача.

У статті розглядаються проблеми створення стилістичного ефекту у сучасному розважальному дискурсі. Визначається сутність розважального дискурсу взагалі і стилістичного ефекту в ньому зокрема. Аналізуються метафора, порівняння, епітет тощо.

Ключові слова: дискурс, розважальний дискурс, стилістичний ефект, лінгвістичні засоби, метафора, порівняння.

Panchenko S. A. Stylistic effect in entertaining discourse as a way of influence on the addressee.

The article deals with the problem of creating a stylistic effect in modern entertainment discourse. It is to determine the nature of entertainment in general discourse and stylistic effect in it in particular. It analyzes the metaphor, comparison, epithet and other figures.

Keywords: discourse, entertaining discourse, stylistic effect, linguistic tools, metaphor, comparison.

Л. Ю. Риднева
Уманский государственный педагогический университет
имени Павла Тычины

**ЯПОНИЗМЫ
КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ БОРИСА АКУНИНА)**

Статья посвящена использованию заимствованной лексики, в частности японизмов в литературном произведении (на материале прозы Бориса Акунина). Рассматриваются

типы заимствований, степень их усвоения, анализируются функции японизмов в художественном тексте.

Ключевые слова: заимствованная лексика, экзотизмы, варваризмы, художественный текст, индивидуально-характерологическая функция, функция художественной детали.

Для любого языка характерно взаимодействие с другими языковыми системами, результатом которого становятся заимствования. В истории русского языка отмечались как периоды усиленного насыщения заимствованными словами, так и периоды борьбы с чужеродными элементами – за “чистоту” родной речи (достаточно вспомнить знаменитую полемику XIX в. между “карамзинистами” и “шишковистами”). Попадая в новую языковую систему, заимствования проходят этапы “адаптации”, осваиваются в той или иной степени языком-реципиентом; они выполняют не только номинативную функцию, но и становятся средством художественной выразительности.

Теме заимствованной лексики посвящены многие работы современных исследователей [5; 7; 9; 12; 13]. В последние десятилетия интерес к ней заметно возрос. Авторы отмечают языковую динамику за счет пополнение лексической системы русского языка словами иноязычного происхождения: “Язык не может раз и навсегда исчерпывающе отразить всю беспредельность человеческого опыта и окружающего мира и должен выражать их в непрерывном изменении и развитии” [7, с. 8].

Ученые-лексикологи, изучающие заимствованную лексику, ее функционирование в устной и письменной речи, обращают внимание на проблему адекватной интерпретации авторского текста, которая во многом зависит от знания и понимания лексических единиц, особенностей их сочетаемости и, в целом, культурно-исторического фона эпохи [9].

Цель данной статьи – представить изобразительные возможности заимствованной лексики в художественном тексте на материале прозы Бориса Акунина.

Творчество Б. Акунина, включенное в критические дискуссии, привлекает внимание как литературоведов [6; 10; 14; 15], так и лингвистов [11], поскольку его романы – явление в литературе XX века – “проецируются на цитатно-стилистическую эпоху рубежа веков, для которой свойственно изменение функции эстетического приема при частом перемещении произведения из одного родо-видового регистра в другой, многочисленные жанровые трансформации, формирование нового дискурса [15, с. 194].

Рассматривая функции заимствованной лексики, мы обратились к прозе Б. Акунина, к так называемому “фандоринскому циклу”. Произведения автора (занимающегося переводами, владеющего несколькими иностранными языками) насыщено различными заимствованиями, однако

особое внимание привлекают японизмы. Как известно, в отличие от заимствований из других языков (французского, английского, немецкого) процент адаптированных заимствований из японского весьма незначителен, количество японизмов исчисляется десятками. В тематическом отношении они представляют номинативы из области спорта (*сумо, карате, дзюдо*), кулинарии (*суши, тофу, дайкон, сакэ*), рыболовства (*иваси, вата*), искусства (*танка, хайку*), бытовые названия (*татами, кимоно*) и некоторые другие. Однако в последнее время возрастающий интерес к культуре и истории Японии привел к увеличению числа японских слов, не зафиксированных пока еще ни одним словарем [8].

В текстах произведений Б. Акунина японизмы выполняют различные функции. Прежде всего – *номинативную*, поскольку, если речь идет о Японии, называют предметы и понятия, которым нет эквивалентов в русском языке: *Японские агатовые нэцкэ, главную ценность, не тронули* [2, с. 116] (*нецке* – миниатюрная скульптура, произведение декоративного прикладного искусства, представляющее собой небольшой резной брелок). *В гардеробе коллежского асессора имелось два японских наряда: белое кимоно с ткаными гербами... и черный облегающий наряд, какие носят синоби, мастера из класса профессиональных шпионов* [2, с. 25] (*кимоно* – японская национальная одежда свободного покроя с цельнокроеными рукавами и широким поясом; *синоби* – разведчик-диверсант, шпион, лазутчик и наемный убийца в средневековой Японии).

Вторая и, на наш взгляд, основная функция заимствованной лексики в тексте Б. Акунина – создание национального колорита, “приближение” читателя к языку и культуре страны. Отражение национальной языковой специфики реализуется через особую группу заимствованной лексики – варваризмы и их разновидность – экзотизмы (под экзотизмами понимаем заимствования из чужих языков, входящие в безэквивалентную лексику, обозначающие предмет или явление из жизни другого народа, в силу своей стойкой этнической ассоциации до конца не усваивающиеся языком-реципиентом). Характерно то, что автор, используя экзотизм, включает в текст пояснение, раскрывающее значение слова: *Решительно сжал ручку, обмакнул в чернильницу и стал медленно выводить буква за буквой – на сей раз не иероглифами и не латиницей, а катаканой, слоговой азбукой, которую Фандорин уже умел разбирать* [1, с. 85] (*катакана* – одна из двух (наряду с хираганой) графических форм японской слоговой азбуки – каны; для катаканы характерны короткие прямые линии и острые углы; современное использование сводится преимущественно к записи слов неяпонского происхождения; распространено использование катаканы для записи названий животных и растений, а также в качестве стилистического приема в художественных произведениях) [16]; *старая курума* [название

главы] (курума – одноколка, повозка, которую везут трое людей); *Эраст Петрович удивился, отчего это в коляску не запряжена лошадь. В голове на миг возникла фантастическая картина: чудо-повозка, несущаяся по улице сама по себе, с оглоблями, выставленными вперед наподобие алых щупальцев <...> Трое туземцев, весь гардероб которых состоял из обтягивающих панталон и скрученных жгутом полотенец на голове, дружно взялись за скобу, крикнули “хэй-хэй-тя!” и загрохотали по мостовой деревянными шлепанцами... – Привыкайте, – усмехнулся Доронин. – Иначе придется передвигаться пешком. Извозчиков здесь почти нет. А эти молодцы называются **дзинрикия**, или, как произносят европейцы, “рикши” [17, с. 62–63].* Характерно, что в данном микротексте, кроме курума, представлены два японизма, являющиеся вариантами одной и той же лексемы, но отличающиеся степенью освоения: *рикша* давно известен в русском языке и зафиксирован словарями; *дзинрикия*, выполняющий стилистическую функцию, входит в группу внелитературной лексики. При этом рикша в дальнейшем также часто используется в тексте романа: ***Рикша** не глядя шлепнул по плечу ладонью, и от прелестницы остался лишь пыльный серо-голубой комочек [17, с. 62].*

Колорит произведения усиливают и вавваризмы, представляющие собой иногда целые фразы в транслитерационном написании: *Каюй! Щекотно! (яп.) [17, с. 62]; Катару! Дарэ да? Даре окутта? < Говори! Кто такой? Кто прислал? (искаж. япон.); “Митта ка? < Видел? (япон.) [17, с. 81].*

А. Г. Самотик в контексте изучения внелитературной лексики (коей являются экзотизмы и варваризмы) отмечает использование экзотизмов в функции художественной детали, “что трансформирует значение на уровне текста в целом <...>, а с другой стороны функция художественной детали может перерасти в символическую, концептообразующую (в “Алмазной колеснице” – **конгодзё** ‘алмазная колесница’), в текстообразующую (в “Алмазной колеснице” – **хокку** ‘жанр японской поэзии, состоящий из семнадцати слогов (5–7–5)’ положен в основу структуры первой части романа)” [11, с. 10]. Говоря о лакунарности в словаре и в художественном тексте, он в качестве иллюстрации использует художественную ткань романа Б. Акунина “Алмазная колесница”, в словнике которого “отсутствуют хорошо известные в русской культуре слова-символы, связанные с Японией (*сакура, харакири*). Автор использует другие экзотизмы: **сэнпука** и **сливовый дождь**: *У нас есть древняя, благородная традиция. Хочешь привлечь внимание властей и общества к какому-нибудь злодейству – сделай **сэнпуку**. Лживый человек резать себе живот не станет... [1, с. 44]; *Пойдемте-ка ко мне на квартиру. А то поять этот чертов **с-сливовый дождь** полил [1, с. 347] и т. д. (Ср.: Зачем **харакири**, не нада **харакири**, не по фрисчиански!**

[1, с. 68]) [11, с. 10]. В тексте нередки случаи, когда уже известный в языке японизм функционирует параллельно с внелитературным словом. Так, слово **синоби** (см. пример выше) употребляется вместо более известного в русском языке *ниндзя*, поскольку в различных регионах и префектурах Японии *ниндзя* были известны под совершенно разными названиями.

Наиболее типичными выражениями, обозначающими шпионов в те времена были "*кантё-но-моно (маваши-моно)*" и "*сагури-но-моно*", образованные от глаголов "*мавасу*" – "крутиться поблизости" и "*сагуру*" – "вынюхивать, следить". Сами же слова "*ниндзя*" и "*синоби*", которые являются всего лишь разными способами прочтения одного и того же понятия, применялись лишь в нескольких провинциях [18]: *У синоби существовала собственная система фонетической письменности, для секретных корреспонденций* [1, с. 9].

Экзотизмы в прозе Акунина выполняют функцию символов. Ярким примером может служить слово **омурасаки**, что означает "бабочка". Слово появляется в тексте первой главы второго тома романа "Алмазная колесница", при этом текст построен таким образом, что заимствованное слово и русский эквивалент употребляются параллельно: *Бабочка омурасаки собралась перелететь с цветка на цветок. Осторожно развернула лазоревые, с белыми крапинками крылышки, поднялась в воздух – самую малость, но тут как нарочно налетел стремительный ветер, подхватил невесомое создание, подкинул высоко-высоко в небо и уж больше не выпустил, в считанные минуты вынес с холмов на равнину, в которой раскинулся город; покрутил пленницу над черепичными крышами туземных кварталов, погонял зигзагами над регулярной геометрией Сеттльмента, а потом швырнул в сторону моря, да и обессилел, стих... Вновь обретя свободу, омурасаки спустилась было к зеленой, похожей на луг поверхности, но вовремя разглядела обман и успела вспорхнуть прежде, чем до нее долетели прозрачные брызги... Там внимание бабочки привлекла толпа встречающих, сверху похожая на цветущую поляну* [17, с. 59–60].

Сцена с бабочкой глубоко символична, ее смысл становится до конца понятен лишь после прочтения всего романа, поскольку **омурасаки** – это прообраз О-Юми – героини романа, возлюбленной Фандорина, судьба которой напоминает яркий, но короткий полет бабочки. В тексте неоднократно подчеркивается связь О-Юми и бабочки: *Но еще раньше он убьет меня. Ему будет легко это сделать – как мотылька прихлопнуть* [1, с. 414]; *За ними, придерживая створки, стояла О-Юми – с раскинутых рук свисали широкие рукава кимоно, отчего женщина была похожа на бабочку* [1, с. 430] и т. д. А. Г. Самотик подчеркивает аллюзивность образа бабочки: "Бабочка в данном сюжете аллюзивна (для современного читателя, но не для изображаемого времени) популярной в России опере Дж. Пуччини

“Мадам Баттерфляй (Бабочка)”, или “Чио-Чио-Сан” (1904), героиня которой так же, как и О-Юми, была конкубиной – супругой по контракту” [11, с. 10].

Варваризмы в устах персонажей служат средством создания их речевой характеристики, выделяют на фоне окружения. Этот прием Акунин использует для создания образа Масы – верного слуги Фандорина: – *Позволю себе заметить, что, хоть вакидзаси очень недурен, вряд ли стоило портить из-за него одежду,* – сказал японец [4, с. 47]. Здесь обыкновенный кинжал называется героем *вакидзаси* (*вакидзаси* – короткий традиционный японский меч; в основном использовался самураями и носился на поясе). Как варваризмы воспринимаются в речи Масы искаженные русские слова, произношение которых вызвано спецификой фонетической системы японского языка: – *Я не знал, что его нужно поймать, – стал оправдываться Маса. – Мы же приехали в Ба-Ку не для того, чтобы ловить вориська* [4, с. 47]; *Ехари-ехари, приехари, обратно поехари. Дазе на Тенерифе-яма не подняришь! Какое неуважение!* [3, с. 51]. Таким образом, варваризмы выполняют в тексте индивидуально-характерологическую функцию.

Краткий анализ функций ряда заимствований из японского языка позволяет сделать вывод о том, что использование экзотизмов и варваризмов в художественном тексте не только представляет образ инонациональной речевой среды, но и стилизует произведение, создает идиостиль писателя.

Представляется перспективным исследование других заимствований (в частности германских) в художественной прозе Бориса Акунина.

Л и т е р а т у р а :

1. Акунин Б. Алмазная колесница : в 2 т. / Борис Акунин. – М. : Захаров, 2011. – 720 с.
2. Акунин Б. Нефритовые четки / Борис Акунин. – М. : Захаров, 2010. – 600 с.
3. Акунин Б. Планета Вода : Приключения Эраста Фандорина в XX веке. Часть первая / Борис Акунин; [худож. И. Сакуров]. – М. : Захаров, 2015. – 416 с.
4. Акунин Б. Черный город : роман / Борис Акунин ; [худож. И. Сакуров]. – М. : Захаров, 2012. – 368 с.
5. Александрова О. И. Лексика арабского происхождения в системе современного русского языка : дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : 10.02.01 / Оксана Ивановна Александрова. – М., 2010. – 228 с.
6. Бобкова Н. Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии : дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : 10.01.01 / Наталия Георгиевна Бобкова. – Улан-Удэ, 2010. – 189 с.
7. Ванина В. В. Экзотизмы в русском языке XX в. : На материале словарей, художественных текстов и мемуаров : дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : 10.02.01 / Валерия Валерьевна Ванина. – Новосибирск, 2001. – 228 с.

8. *Габуллина А. Х.* Лексические заимствования из японского языка в русский : когнитивно-прагматические особенности и процесс ассимиляции / А. Х. Габуллина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 2 (256). Филология. Искусствоведение. Вып. 62. – С. 12–16.
9. *Макеева Е. В.* Заимствованная лексика западноевропейского происхождения в языке А. С. Пушкина : дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : 10.02.01 / Елена Вячеславовна Макеева. – Нижний Новгород, 2009. – 533 с.
10. *Ранчин А.* Романы Б. Акунина и классическая традиция : повествование в четырех главах с предуведомлением, лирическим отступлением и эпилогом / А. Ранчин // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 67. – С. 35–43.
11. *Самотик А. Г.* Словари внелитературной лексики как разновидность авторских словарей (проблемы и решения) / А. Г. Самотик. – Режим доступа : <http://sun.tsu.ru/mminfo/2012/000432607/04/image/04-019.pdf>.
12. *Семенова М. Ю.* Принципы изучения лексики англоязычного происхождения в современном русском языке: к проблеме составления словаря англицизмов : дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.04 / Марина Юрьевна Семенова. – Ростов-на-Дону, 2007. – 195 с.
13. *Филатова Н. А.* Русская экзотическая лексика во французском языке и французская лексика в русском языке : дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : 10.02.20 / Нина Алексеевна Филатова. – М., 2009. – 290 с.
14. *Циплаков Г.* Зло, возникающее в дороге, и дао Эраста / Г. Циплаков // Новый мир. – 2001. – № 11. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/11/ciip.html.
15. *Черняк М. А.* Массовая литература XX века / М. А. Черняк. – М. : Флинта; Наука, 2007. – 432 с.
16. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Катакана>.
17. <http://book-online.com.ua/read.php?book=3324&page=78> Борис Акунин. Алмазная колесница.
18. <http://mitsumono.ru/history/471-shinobiorninja>.

***Ріднева Л. Ю.* Японізм як засіб художньої виразності (на матеріалі прози Бориса Акуніна).**

Стаття присвячена використанню запозиченої лексики, зокрема японізмів у літературному творі (на матеріалі прози Бориса Акуніна). Розглядаються типи запозичень, їх освоєння, аналізуються функції японізмів у художньому тексті.

Ключові слова: запозичена лексика, японізм, екзотизми, варваризми, художній текст, індивідуально-характерологічна функція, функція художньої деталі.

***Ridneva L. U.* Japaneses as a means of artistic expression (bassed on prose by Boris Akunin).**

The article deals with the use of the borrowed vocabulary in particular japaneses in literary text (on the material of prose of Boris Akunin), types of borrowing and the role in literary textare examined.

Keywords: the adopted vocabulary, japaneses, exotics, barbarisms, literary text, function of the individual characteristic, function of the artistic detail.